
Виктор Владимирович
Геращенко

Подвиги Геракла

После окончания Московского финансового института я попал в управление иностранных операций (УИНО) Госбанка СССР. Из нашей студенческой группы туда пришли практически все москвичи, пятнадцать человек, включая и меня. Тогда активно развивалась внешняя торговля. Я оказался в отдел расчетов по экспорту. Время шло, те, с кем я пришел в Госбанк, двигались по служебной лестнице, а я как сидел, проверяя свои рамбурсы¹, так и продолжал сидеть. Хотя со временем и стал получать третий по размеру оклад в отделе — после начальника и его зама. Но это больше из-за того, что народ расходился в связи с различными реорганизациями. В общем, все двигались по пресловутой карьерной лестнице, а я лишь с завистью наблюдал за ними!

И вот однажды подходит ко мне некий товарищ и говорит: «Виктор, хочешь пойти к нам в валютно-экономическое управление в отдел заграничных учреждений?» Я был не против, хотя предлагаемая работа казалась мне не самой интересной. Но хоть какая-то экономическая работа, связанная с анализом деятельности банков и т. д. Дал согласие, да не тут то было! Не отпустили!

Осенью 1962 года мне неожиданно предложили поехать на стажировку в Лондон. Собирались отправить трех человек, среди которых должен был быть, в частности, и управляющий Ялтинским районным отделением Госбанка. Жена у него была начальником управления продовольственных товаров города. В советское время должность покруче мужниной! Для поездки в то время необходимо было кандидата утверждать на выездной комиссии в райкоме партии, давать ему характеристику. И вот вызвал секретарь РК нашего коллегу и предупредил: «Знаешь, я не советую тебе ехать. Сейчас если вынести твою кандидатуру на заграничную командировку, столько анонимок на жену придет, не отмоешься!» Он послушался совета и отказался от поездки. В общем, появилась неожиданная вакансия.

В то время председателем Moscow Narodny Bank (Московского народного банка) был А. И. Дубонос, один из лучших и опытных наших банки-

¹ В международной торговле — оплата купленного товара через посредство банка (*прим. авт.-сост.*).

ров. Это была весьма значимая фигура — он регулярно общался с А. Н. Косыгиным, бывшим в то время еще заместителем премьера. До войны Андрей Ильич возглавлял отделение Русско-Азиатского банка в Шанхае, во время войны он работал в Лондоне (1941–1945) генеральным управляющим «Black sea and Baltic Insurance company», часто именуемой в Советском Союзе «Блэкбалтси». В частности, страховал английские суда, возившие в Россию грузы по Ленд-лизу (заработал неплохо на этом для страны и вдобавок получил орден Трудового Красного Знамени), потом работал в Главном управлении советского имущества за границей (ГУСИМЗ). Наконец, в мае 1959 года возглавил Moscow Narodny Bank (Моснарбанк) в Лондоне.

В. В. Геращенко

1960–1961

Бухгалтер в Госбанке СССР

1961–1965

Бухгалтер, инспектор, эксперт и начальник отдела корреспондентских отношений со странами Европы и США Внешторгбанка СССР

1965–1967

Директор Московского народного банка (Moscow Narodny Bank) в Лондоне

1967–1972

Заместитель управляющего, затем управляющий отделением Московского народного банка (Moscow Narodny Bank) в Ливане

1972–1974

Заместитель начальника управления, затем начальник управления валютно-кассовых операций Внешторгбанка СССР

В 60-х годах председатель Моснарбанка в Лондоне, один из лучших наших банкиров, Андрей Дубоносов приобрел подержанный, но внушительный роллс-ройс. Он оправдывал это приобретение тем, что ему приходилось иметь дело с Ротшильдами, Морганями, Бэарингами и другими тузами лондонского Сити и ему, мол, неудобно подъезжать к их конторам в непрезентабельной машине. Это подрывает кредитоспособность банка. Кто-то «капнул» в Москву, Дубоносова обвинили в «буржуазном перерождении» и чуть не сняли с должности. Ему грозило исключение из партии. Только вмешательство тогдашнего совпосла в Лондоне А. Солдатов и поддержка объединенного парткома совучреждений в Лондоне спасли Дубоносова.

Василий Сафрончук. Хрен редьки не слаще // Советская Россия (Москва). — 22.08.1996

Узнал я о поездке так. Однажды прибегает ко мне в отдел девушка и говорит: «Тебя Дубоносов ищет!» Встретились с Андреем Ильичом, и он мне предложил: «Я народ подбираю на перспективу и хочу, чтобы у них была возможность практику пройти зарубежом. Как Вы относитесь к поездке в Лондон?» Я отвечаю: «К поездке отношусь положительно, только у меня с английским языком слабовато — все-таки кредитный факультет заканчивал, а не международный». На этом и разошлись. После этого обо мне не забыли, выделили учительницу, начал я учить разговорный английский язык. Так я и попал на стажировку в Лондон. В это время (в марте 1963 года), кстати, произошел, вероятно, самый крупный в прошлом веке британский скандал с министром обороны Великобритании Джоном Профьюмо, стоивший консерваторам власти. Этот

1974–1977

Председатель правления
Ost-West Handelsbank (ФРГ)

1977–1982

Управляющий отделением
Московского народного банка
(Moscow Narodny Bank)
в Сингапуре

1982–1983

Начальник валютного управ-
ления Внешторгбанка СССР

1983–1987

Заместитель председателя
правления Внешторгбанка
СССР

1987–1989

Первый заместитель
председателя правления
Внешэкономбанка СССР

1989–1991

Председатель правления
Госбанка СССР

1992

Советник
Международного фонда
экономических и социальных
реформ «Реформа»

1992–1994

Председатель Центрального
банка Российской Федерации

1994–1996

Советник НИИ банков ЦБ
России

1996–1998

Председатель правления
Международного московского
банка (ММБ)

1998–2002

Председатель Центрального
банка Российской Федерации

2003–2004

Депутат Государственной
Думы Российской Федерации

2004–2007

Председатель совета директо-
ров компании ЮКОС

министр, как говорят, под напором неопровержимых дока-
зательств, признался в том, что он поддерживал любов-
ную связь с «call girl» Кристин Килер, которая, в свою оче-
редь, была в близких отношениях с помощником нашего
военного атташе в Лондоне Евгением Ивановым. Я с инте-
ресом следил за развитием событий по газетам.

С приходом в 1959 году в банк Дубоносова, он стал быстро
развиваться. Сложилось хорошие отношения в лондон-
ском Сити. Банк из полуподвального помещения на Фин-
сберри сквер переселился в Сити на Моргейте в дом но-
мер четыре, прямо рядом с Банком Англии. Сняли там
четыре этажа у Браун шипли — был такой Колониаль-
ный банк. У Моснарбанка появился хороший английский
управляющий, переманенный из Barclays DCO, еще од-
ного колониального банка. Сотрудников советских было
еще мало — он, да два директора (чуть позже еще двух
разрешили взять).

Пробыл я в Лондоне недолго. Первая заграникомандиров-
ка как первая любовь. Но она оказалась малость безответ-
ной! После возвращения, что бы вы думали, я так и про-
должал сидеть на своих рамбурсах. Подумалось тогда:
«Ну, зачем нужно было тогда меня посылать стажиро-
ваться? Я ведь за 6 месяцев как-никак все-таки чему-то
научился».

Тем не менее, постепенно я вырос до руководителя отдела
корреспондентских отношений со странами Европы
и США Управления валютно-кассовый операций.

Возвращение в Лондон произошло в декабре 1965 году.
Дубоносов продолжал руководить банком (до апреля
1967 года), а я приехал в крупнейшее советское кредит-
ное учреждение за рубежом. Было мне 28 лет. Надо отме-
тить, что в 1965 год — фактически началась эпоха Леонида
Брежнева. На октябрьском пленуме ЦК КПСС в 1964 го-
ду за волюнтаризм был смещен Никита Хрущев и шла ак-
тивная перестановка кадров. На ответственные посты вы-
двигались новые люди, так что я в какой-то степени
попал под кампанию.

Теперь уже я пробыл в Лондоне почти два года. В штате
уже было семь российских сотрудников, при общей чис-
ленности работающих в банке около 180 человек. Я внача-
ле отвечал за определенные операции — аккредитивные,
кассовые. Тогда банк активно обслуживал экспортные
и импортные расчеты Советского Союза с Европой — это
мне было хорошо знакомо по работе в Москве. В банке кре-
дитовалось и много небольших компаний.

Через некоторое время меня перевели на операции по переучету векселей — в Лондоне существовали дисконтные учетные дома. В 1966 году мы стали осторожно заниматься операциями на фондовом рынке — покупали муниципальные облигации, которые гарантировались бюджетом страны. Мы были очень активными участниками рынка — средства нам позволяли это делать. Лимит жесткий нам устанавливался только для банков стран Восточной Европы, а с ними банк также очень активно работал. По этому направлению нас курировал не только Госбанк, но и отдел плановых и финансовых органов ЦК КПСС. Часто это помогало. Так, однажды они предупредили нас о том, что в Болгарии появились внутренние экономические трудности, и мы приостановили выдачу кредитов болгарскому Внешторгбанку.

Работая с нашими союзниками, именно Моснарбанк и, в меньшей степени Евробанк, пробили банкам соцлагеря выход на международный и европейский рынки. В частности, у них не получалось работать на западных рынках напрямую, и мы часто действовали, таким образом: предоставляли им кредиты, используя половину средств банков партнеров. В случае же затруднения с возвратом кредита мы выкупали их долю. Благодаря такому, так называемому «сайлонт партисипейшн», наш собственный лимит был задействован меньше. Это было пионерское решение. В результате него наши восточноевропейские коллеги затем стали работать с Западом напрямую. И это они помнят до сих пор! По крайней мере, должны помнить!

В последнее время моего нахождения в Англии я работал дилером на финансовых рынках. В банке этим занимались двое — мой партнер был англичанин. Дело было специфическое, для успешного занятия им, необходимо было много общаться с коллегами из других банков, в том числе выпивать с ними в пабах. И не смущаться от отсутствия котелка, в ситуациях, когда этот головной убор был водружен на собеседника.

Работали мы и с американцами, хотя значительно меньше. В первую очередь при больших закупках зерна (в 1963 и 1972 году). Особенно большая работа была проведена в 1972 году, за что ряд работников внешнеторговых организаций и валютного управления Госбанка, вместе с транспортниками были отмечены орденами и медалями. Один мой коллега гордо называл причину своего награждения: «За неурожай!»

С этим, кстати, связана еще одна забавная и одновременно грустная история. Во время стажировки в Лондоне в 1963 году, проходя кандидатский стаж в партию, я получил задание подготовить политинформацию на профсоюзном (а фактически партийном) собрании совслужащих торгпредства. Я бодро по материалам наших газет рассказал, как проходит уборка урожая на Родине и каких новых успехов достигло наше сельское хозяйство, а буквально через неделю прочитал в английских газетах о том, что зампред Внешторгбанка вылетел в Канаду договариваться о закупках зерна. Вот и верь после этого советским газетам! Не случайно

говорил профессор Преображенский: «И, Боже вас сохрани, не читайте до обеда советских газет!»

Прохождение кандидатского партийного стажа имеет отношение и к следующим историям. Еще до выезда на практику ко мне подсели уполномоченные на это люди и спросили: не думаю ли я о вступлении в КПСС. Я всего два года работал в банке, поэтому несколько ступешался. Но оказалось, что нахожусь я на хорошем счету как производственник, да и общественной работой я тогда активно занимался — входил в комсомольское бюро УИНО. Хотя, сказать по правде, общественную работу я не любил. Вступить в партию в то время было нелегко, а для продвижения по карьерной лестнице это было необходимо. Так в 1962 году, как я уже говорил, в Лондон поехал уже кандидатом в члены КПСС.

Возвращаться домой из Англии я решил хитрым путем. Из Лондона ходил наш пароход по маршруту: Лондон — Копенгаген — Стокгольм — Хельсинки — Ленинград. Срок моей службы заканчивался 20 марта, пароход приплывал в Советский Союз числа 22. И вот вызывает меня в банке «старший товарищ» и говорит: «Ну, что, Вить, билет мы тебе купили, какой ты просил. Он оказался даже дешевле, чем прямой авиационный. Но есть одна проблема — секретарь парткома ВТБ считает, что ты должен быть в банке до 20 марта — так как у тебя заканчивается кандидатский стаж в партию». Вот тогда я первый и последний раз воспользовался родственными связями. Обратился к отцу, поплакался — когда еще будет такая возможность?! Отец сжалился, позвонил М. Н. Свешникову, бывшему у него когда-то членом Правления, и мне дали разрешение посмотреть Европу из трюма парохода. Потом мне отец рассказал, как Мефодий Наумович позвонил секретарю Свердловского РК КПСС, рассказал о создавшемся положении и получил ответ: «Мефодий Наумович, а почему Вас так волнует формальности? Он Вам, как работник нужен? Если — «да», то пусть плывет! Если во время практики Вас не подвел — вступит в партию после 22!»

Мефодий Наумович Свешников. В 1946 г. стал членом Правления Госбанка, управляющим Казахской республиканской конторой Государственного банка СССР. В 1948–1957 гг. — Заместитель Председателя Правления, член Правления Государственного банка СССР. В 1957–1960 гг. — член Правления и начальник Управления иностранных операций Правления Государственного банка СССР. В 1960–1969 гг. — председатель Внешторгбанка, Заместитель Председателя Правления Госбанка СССР. В 1969–1976 гг. — Председатель Правления Государственного банка СССР (*прим. авт.-сост.*).

А за прохождение кандидатского стажа я волновался. Дело в том, что во время практики меня более опытные товарищи повели на стриптиз. Отказаться нельзя, отобьюсь от коллектива, но боюсь, выйдем с мероприятия, а у дверей работники консульства, начальник первого отдела стоят.

И с практики «под жопу», и из партии «под жопу»! Но обошлось, вроде, выпили по пиву, посмотрели на толстых голых теток. Когда вышли, было поздно, больше часа ночи, домой отправились на такси. Утром один из сообщников (который вел наш общаг) потребовал с меня пять (!) фунтов за сомнительное удовольствие. Вот тогда я по-настоящему расстроился — столько тогда стоили новые ботинки!

Получал я в Лондоне, будучи директором, 105 фунтов ст. в месяц (во время практики зарплата было 80). Конечно, немного. Кстати, председательская зарплата приравнялась к торгпредской, тоже небольшой. Следует при этом отметить, что наши ставки были несравнимо большими, как в серьезных английских банках, всю разницу мы сдавали в Посольство. Первый перестал сдавать разницу в зарплате один наш коллега — руководитель Донау-банка, но уже во время перестройки. Я его отговаривал тогда: «Ты что ох...л? Подожди полгода!» «А почему сын Шеварднадзе, работая в ЮНЕСКО, деньги не сдает?» — веско отвечал он. Тоже мне нашел с кем сравнивать! Вот Акимова и отозвали.

За квартиру мы много не платили, жили по две семьи, деля этажи, в двухэтажных коттеджах, предназначенных на одну семью. Сделали вторую кухню, чтобы жены не ссорились. У банка было две машины. Одна у председателя и еще одна общая, разъездная. Когда кто-то ехал в первый отдел, мы дружно садились на муниципальный автобус и самостоятельно ехали до метро, на такси денег не было. Через два года после того, как я уехал из Лондона, банку разрешили завести еще две машины.

В Лондоне я приобрел любовь к порядку. Помню, как нас воспитывала жена управляющего, прекрасная женщина Вера Афанасьевна Дубоносова: «Не важны ваши отношения в семье, но муж должен приходить на работу в свежей рубашке, наглаженных брюках и начищенных ботинках!»

Работа в банковско-биржевой столице мира мне много дала. Здесь я получил отличную профессиональную школу — понял, как функционирует мировая банковская система. Конечно, на первом этапе мне помогла фамилия, отца хорошо знали в консервативных банковских кругах лондонского Сити. Мне легче было приобретать личные знакомства с местными финансистами и банкирами других стран. А связи, безусловно, полезны. Ведь основа любой банковской сделки — доверие.

Англичане произвели на меня самое благоприятное впечатление — они не чопорны, как многие считают, всегда придут на помощь, если их попросишь, но специально приставать не будут. Правда, и англичане в нашем банке работали особые — левые по убеждениям, некоторые даже пробыли определенное время в местной компартии.

В Лондоне я приобрел любовь и к хорошему виски. Много ездил по стране, хотя в ответ на наши ограничения на поездки в СССР, англичане ввели требование к нам: подавать за 48 часов заявление в министерство внутренних дел при выезде в местность, отдаленную более чем на 35 миль от Лондона.

Кстати, с этим моим этапом связан следующий курьез. Приставленная ко мне в посольстве педагог английского языка Алмазова уверяла меня, что переспрашивать «what?» в Лондоне считается неприличным. Лучше говорить: «I beg your pardon», в крайнем случае, просто «pardon». Но первый же лондонец, солидный управляющий из банка, во время беседы переспросил меня: «What?»

Наши судьбы с Андреем Ильичом пересеклись еще раз, при создании совзагранбанка в Германии. Но об этом позже.

Бейрут

Моя лондонская лафа быстро прошла. Во Внешторгбанке шла постоянная ротация. Получив опыт, коллеги разъезжались по разным банкам. В 1963 году Моснарбанк открыл отделение в Бейруте, куда меня вскоре и выпихнули. Хотя и не моя была очередь ехать, я проработал в Лондоне только полтора года. Правда, теперь-то я благодарен судьбе, что дело сложилось таким образом.

Первый управляющий Г. Л. Тусевич был отозван в Москву, его назначили зампредом Внешторгбанка, освободилось место. Его зам Алексей Иванович Душатин возглавлял отделение полтора года. Надо отдать должное Георгию Леонидовичу, он хорошо организовал дело, собрал хороший коллектив сотрудников. В результате, когда новый управляющий в свою очередь укатил в Москву членом правления ВТБ и мне предложили занять его место, сделал я это без особой робости.

И на новом месте первый раз столкнулся с ситуацией, когда твое слово — последнее. Это, следует сказать, создает совсем иные ощущения. У меня было два заместителя — ливанец и советский Томас Иванович Алибегов (всего в банке было чуть больше ста сотрудников). Но в конце концов за все отвечал я.

В свое время, когда Московский народный банк из Лондона открывал свое первое отделение в Ливане, думали, что нефть, газ, возрастающее влияние ближневосточных стран, позволит отделение в Ливане сделать значимым. И хотя эта страна не входила в британское содружество, мы открыли там отделение. Но ближневосточной Швейцарии из Ливана не получилось, потому что слишком быстро в ее внутренние дела вмешался Израиль и возник Палестинский конфликт.

Время, когда я приехал в Бейрут, было необычайное — только что закончилась шестидневная арабо-израильская война. Арабские союзники СССР нуждались в срочной помощи, и Советский Союз резко активизировал свою политику в регионе, действуя, в частности, через ливанское отделение Московского народного банка.

Бейрут, конечно, не Лондон. Однако это главный банковский центр Ближнего Востока. Там всегда было самое либеральное финансовое законодательство. Так что Моснарбанк, наравне с другими иностранными банками, мог совершенно свободно осуществлять в Бейруте самые разные операции по финансированию любого своего клиента. С самим Ли-

ваном наша страна тогда торговала мало, но через него проходили большие поставки зерна и муки в Сирию и Египет. По-моему, этот бизнес пришел к нам от французов. Западная Европа тогда отказала арабам в кредитах. И мы развернулись вовсю! Объем нашего финансирования был около трех с половиной миллиардов долларов, с маржей 2,5%! Гарантировали сделку по Египту нам местная дочка египетского Banque Misr и Африкан бэнк. Сирию гарантировал Внешторгбанк страны, это было хуже, но отношения между нами были достаточно развиты, что давало надежду на решения всех вопросов на высоком уровне.

Французы оставили Ливану неправильное конституционное устройство. Страна имела свою особенность, которую следовало учитывать, земля и недвижимость в ней в основном принадлежали мусульманам, в промышленности и торговле заправляли христиане. По конституции, оставленной французами, президентом был всегда христианин-маронит. Что такое моранит, я не знаю, но их мало. Премьер-министром может стать только мусульманин-сунит, а председателем парламента мусульманин — шиит. В свою очередь грекам-ортодоксам принадлежит пост министра иностранных дел. А если нет умного грека-ортодокса на должность, они все равно обязаны искать.

Равновесие настолько хрупкое, что когда король Иордании Хусейн в 1967 году, недовольный палестинцами, призвал из степей бедуинов, и они всех палестинцев выгнали в Ливан, там все посыпалось! Палестинцев не приняли в сильные страны Сирию и Египет. Их выгнали в Ливан, и там начался кавардак, чтобы не использовать другие слова, примерно идентичные, который довлеет над Ливаном до сих пор.

Работали мы больше, чем в Лондоне, но делали это с 8 утра до 14 часов (включая субботу). После окончания работы, если у тебя нет делового ланча, можно было путешествовать. В Дамаск мы ездили без визы. Ливан — страна маленькая, живописная, хотя в то время голая — почти все кедры были вырублены до нас. Погода, правда, там хороша только зимой, в остальное время климат жаркий и влажный.

В нашем банке работал мой одноклассник по институту Абики Хштоян, а его старший брат Вилли учился в Московский институт востоковедения с Е. М. Примаковым. В конце 60-х годов корреспондент газеты «Правда» Евгений Максимович, закончив работу в Египте, получил полугодовой отпуск и приехал в Бейрут — Абики нас и познакомил. Человеком Примаков оказался интересным, много знал. У меня график работы располагал к полезному досугу, всегда было время выпить пивка, так мы и сдружились. Тем более тогда будущий премьер с коллегой Игорем Беляевым писали диссертации о строительстве социализма в Египте. Тема оказалась настолько интересной, что им сразу присвоили докторские звания! Это я серьезно говорю — без ехидства.

Кого финансировал один из совзагранбанков в ту эпоху на Ближнем Востоке, станет, видимо, доподлинно известно спустя годы. Но факт ос-

тается фактом: пребывание Виктора Владимировича Герашенко в Ливане (1967–1972) по времени абсолютно совпадает с резким обострением ситуации на Ближнем Востоке, с наиболее активным проникновением советской политики в арабский мир. Общеизвестно, что в тот период Ливан являлся крупнейшим центром деятельности советской разведки. Здесь осуществлялась вербовка ближневосточной агентуры вообще и палестинской особенно.

Ирина Саватеева. «Известия» Последний банкир СССР // Известия (Москва). — 29.10.1994

Я очень доволен работой в Ливане. В своей карьере я больше опыта, такого нужного, необходимого для своей банковской карьеры, чем в Ливане и в Сингапуре, не получал нигде!

Отработав в Ливане четыре года (слава Богу, бизнес развивался неплохо!), я в ноябре 1971 года вернулся в Москву, отгуляв три месяца накопившегося отпуска, я в феврале 1972 года стал заместителем начальника (руководил двумя отделами — валютного плана и соцстран), а в 1974 году — начальником управления валютно-кассовых операций Внешторгбанка СССР. Заниматься соцстранами мне так и не пришлось — уже существовали созданные в 1963 году Международный банк экономического сотрудничества и в 1971 году — Международный инвестиционный банк, тем более столь важный вопрос курировал сам руководитель совчастью экономических ведомств СССР В. Ф. Гарбузов. За основной баланс страны отвечали Госплан и Минфин, а вот подготовка 11 валютных планов (МВЭТ, Минфина, Минморфлота, Госбанка и т. д.), составляющих валютный баланс страны, отвечали мы. И это мне много дало, те, кто не прошел такой чиновничьей школы на высшем уровне, смотрят на банковское дело слишком узко. Мы были еще и бухгалтерами, счетоводами валютного платежного баланса страны. Спрятать негатив мы не могли, ежеквартально в Бюллетене Банка международных расчетов в Базеле появлялись данные по всем странам. Мы видели: в каких отраслях плохо с реализацией, где цены подают — и докладывали руководству страны обо всех недостатках в импорте-экспорте. По этой причине нас часто называли «гадючниками».

Не знали наши зарубежные коллеги только, какой у нас золотой запас. Мы золото на продажу в Цюрих перевозили в рейсовых ТУ-104. В неудобных деревянных ящиках. В переоборудованную часть самолета (были сняты сиденья) вмещалось 7 тонн драгметалла. Швейцарцы предлагали научить нас делать легкие пластиковые ящики.

Кстати, тогда ко мне приклеилось прозвище Геракл. В начале 70-х большой популярностью пользовалась юмористическая передача «Кабачок 13 стульев». Ее называл любимой даже Леонид Ильич Брежнев. Все герои «Кабачка» имели польские имена. Так что у всех моих коллег из отдела валютного плана были уже прозвища, взятые из передачи. Кто-то

был паном Пепичиком, кто-то паном Зюзей и так далее. Когда я приехал, все польские имена были разобраны. И мне присвоили прозвище, образованное из моей белорусской фамилии — она происходит от греческого Херасим. После приезда из Сингапура оно уже закрепилось за мной крепко.

В это же время я вел переговоры об открытии East-West United Bank S.A. Шесть стран, входящих тогда в ЕС, приняли решение о том, что Люксембург будет развиваться как фондовый центр Евросоюза. Немецкие банки ввели тогда же ограничения по работе с евромаркой. И они стали открывать в Люксембурге свои дочки, для того чтобы иметь возможность выдавать кредиты во внешних марках.

Видя, как активно развивается этот рынок, мы с товарищем из ВЭО поехали в 1973 году в Люксембург. Смешно вспоминать сейчас про существование советских командированных за границей, с отечественными суточными. Мой товарищ, когда нас никто не приглашал на ланч, любил приговаривать: «Солнце село ниже ели, пора ср..., а мы не ели!» Я тогда предлагал сходить в магазин за помидорами, тем более что водка у нас собой была всегда. Но он рационально ждал завтрашнего дня, авось все-таки пригласят на прием, так суточные удастся сохранить. Позже мой экономный товарищ был наказан за то что, работая в Англии, оставил там свои счета в строительных кассах.

Послом в графстве был сын расстрелянного в 1939 году первого секретаря ВЛКСМ А. В. Косарева (его карьера закончилась в 1986 году, когда он не встретил М. С. Горбачева, приехавшего с визитом в Рейкьявик, соблюдая регламент страны, посол присутствовал на открытии местного парламента). Мы ему доложили о том, что считаем открытие банка в Люксембурге целесообразным. Поддержал нас и только открытый Ost-West Handelsbank, так же, как другие немецкие банки, не имевший права выдавать кредиты во внешних марках. Для них новый банк был решением многих вопросов по привлечению ресурсов. Они были готовы войти учредителем в капитал нового банка.

Особых операций, тем не менее, в дальнейшем банк не проводил — торговли большой у нас с Люксембургом никогда не было. Поэтому когда Сергей Родионов предложил приобрести East-West United Bank, «Имперриалу» не стали отказывать. В конце же 90-х ко мне пришел Владимир Евтушенков и сказал: «У нас есть интерес, мы имеем в этом регионе определенные связи с братом великого герцога Жана. Продайте нам долю люксембургского банка!» Разрешение они сразу получили. Я же посоветовал им взять руководителем Юрия Валентиновича Пономарева.

Германия

Указание изучить вопрос о возможности открытия советского банка в Федеративной Республике Германии было дано Госбанку СССР еще в конце 50-х годов. Политическое же решение было принято только в начале 70-х. Говорят, на одной из встреч канцлер ФРГ Вилли Бранд поин-

тересовался у Брежнева: «А что это Вы в Вене открыли свой банк, а у нас нет?!»¹ Леонид Ильич ответил, что мы уже два раза подавали заявления, а нам отказывали.

«Как отказывали?!» — удивился канцлер, — «Подавайте заявление, завтра, послезавтра разрешение получите!» И вскоре во время визита в Москву федерального министра финансов и экономики Карла Шиллее были согласованы условия открытия в ФРГ советского коммерческого банка. Торговые отношения наших стран быстро расширялись. По завершении организационной подготовки 1 марта 1972 года Ost-West Handelsbank официально начал свою коммерческую деятельность. Он стал банком универсального типа, особым направлением работы которого предусматривалось развитие двухсторонних коммерческих связей, осуществление и финансирование торговых операций между Федеративной Республикой Германией, другими странами Запада, с одной стороны, и Советским Союзом, а также странами социалистического содружества, с другой стороны. Эта особенность нашла своё отражение в Уставе банка.

Не без трудности шла кадровая работа. Никак не могли подобрать немецкого члена правления (из трех его членов — два были советскими, один — местный). Подходящие нам отказывались, наконец взяли невзрачного мужичка Берайна из профсоюзного банка. Приехал Дубонос, ругался, но делать было нечего — только позднее, уже я перетащил специалиста из City-bank.

За очень короткий отрезок времени Ost-West Handelsbank установил деловые отношения с Внешторгбанком, Международным инвестиционным банком и Международным банком экономического сотрудничества в Москве, а также с другими учреждениями стран СЭВ и банками внутри ФРГ.

Руководить новым отделением решили назначить Дубоносова. Мефодий Наумович Свешников (Председатель Правления Государственного банка СССР в 1969–1976 гг.) по каким-то личным мотивам не очень любил Андрея Ильича и не хотел его видеть в Москве. Поэтому после Лондона решили Андрея Ильича послать во Франкфурт-на-Майне, в открываемый Ost-West Handelsbank. Председатель успел набрать команду немцев со знанием английского языка. Но дальше продолжить работу он не смог — его свалил инфаркт.

В 1974 году я, став начальником управления, спокойно работал во Внешторгбанке. Неожиданно вызывают меня к руководству и объявляют, что надо срочно лететь на собрание в Моснарбанк. Основным акционером его был Госбанк, Внешторгбанк имел небольшую долю, но обеспечивал основную часть бизнеса. На собрании поэтому присутствовали кто-то из зампредов Госбанка (не знающий языка, как правило) и наш представитель, совмещающий должность переводчика. У того, кто должен был

¹ В. В. ошибается, банк в Вене был открыт позже (прим. авт.-сост.).

ехать в тот раз от Внешторгбанка в Лондон, была какая-то проблема с паспортом, вот меня быстро и снарядили. Работа по организации собрания была не легкой прогулкой, поэтому, кстати, и брали заповедов госбанковских, чтобы им не казалось, что за границей все медом намазано!

В тот раз мы были в Лондоне с зампредом по кадрам Григорием Андреевичем Трифоновым — замечательным, честным и отзывчивым мужчиной. Свозил я его в Эдинбург на экскурсию и вот мы сидим, освободившись от трудов праведных, он меня и спрашивает: «Не засиделся ли в Москве? А то в Париж надо ехать. У тебя как с французским?» «Читать могу, — отвечаю я, — а через полгода заговорю». «Ну, тогда готовься!» — подытоживает разговор Григорий Андреевич. Предложение меня устраивало — в Париже была десятилетка при нашем посольстве. А у меня дочь училась уже в шестом классе и сын собирался в школу.

В августе я должен был сдавать в Госбанке валютные планы ведомств. Приехал на Неглинку, вновь встречаю Григория Андреевича, он меня снова спрашивает: «Ты сколько уже в Москве?» Отвечаю: «Два с половиной года!». «Пора собираться!» — говорит Трифонов, но в этот раз я чувствую в его голосе подлянку! «Куда?» — с нетерпением спрашиваю и получаю, что никак не ожидал: «Во Франкфурт-на-Майне!»

Я начинаю отказываться — ведь по-немецки тогда пять слов знал: раз, два, три, картофель и лопата! А условия у немцев по владению их языком были жесткие. Но мне сказали: «Ничего! Дубоносов тоже был англоговорящий. Будешь учить, а пока вопрос с тобой решим». На мои отговорки, что семья не поедет — во Франкфурте ни школы, ни детского сада, Григорий Андреевич заявил: «Значит, поедешь один, мы тебе доверяем, а семья будет на каникулы приезжать». В общем, деваться некуда — поехал.

Сумма баланса банка к концу 1973 года достигла более 1 млрд марок ФРГ. Ost-West Handelsbank был небольшим, но очень интересным банком, на него были большие расчеты нашего руководства — тогда как раз проходили огромные проекты, в частности «газ — трубы» для газопровода Уренгой–Помары–Ужгород. Да и Франкфурт — один из важнейших мировых финансовых центров (в отличие от Дюссельдорфа — центра внутреннего немецкого рынка), идеальная отправная точка для быстрого и успешного установления контактов, привлечения клиентов как в Европе, так и за ее пределами. Чем я и воспользовался, присовокупив эти связи к наработанным в Лондоне и Бейруте.

А немецкий язык давался мне трудно. Вначале прикрепили преподавательницу, которая проявляла почему-то чрезвычайно большой интерес к Советскому Союзу. Я удовлетворял его (интерес) по-английски, так что на выполнение прямых обязанностей у дамы не хватало времени. Потом злую шутку сыграла «оккупация» Франкфурта 5 (или 15-й) американской армией (к тому же и штаб всей американской армии в Европе находится в Гейдельберге, в паре сотен километров от Франкфурта). Для военных было открыто вещание американского телевидения, принимаемого в горо-

де в черно-белом исполнении. Американские телевизионщики были оперативнее немецких, так что новости мы узнавали у них. На немецкие телепередачи, а значит, и на изучение немецкого языка, снова оставалось меньше времени! Но языковых проблем практически не было — все банкиры и в Германии, как оказалось, говорили по-английски, а бытовые неудобства сопровождали меня тоже недолго, все-таки я разучил необходимый лексический минимум.

Начало моей работы было осложнено некими обстоятельствами, именно в этом 1974 году в Германии лопнул известный банк «Хирштадт» — слишком активно и рискованно спекулировавший. А когда такие неприятные вещи участились, все банки без исключения ввели жесткие ограничения на объем спекулятивных операций. Многие иностранные банки сильно пострадали от прогоревшего банка, а Ost-West Handelsbank оказался в плюсе, заработав 22 млн марок, чему был, безусловно, рад. Но недолго. Немецкая банковская ассоциация приняла решение всем банкам скинуться на покрытие потерь наиболее пострадавших банков (а это были отнюдь не немецкие банки). Помню, пригласил нас посол В. М. Фалин и у себя дома познакомил с крупнейшими банкирами (хотя многих из них я уже знал). Был на этой встрече и Дубонос, когда ему предложили сдать значительную часть заработанной на банкротстве прибыли в общаг, он возмутился: «Это же рынок! Мы честно заработали эти деньги!» Ему ответили: «Да, это рынок, но есть решение, одобренное большинством, и придется ему подчиниться! Вам же здесь работать...» Валентин Михайлович подтвердил: «Да, Андрей Ильич, придется отдать!»

Банк рос: он еще увеличил свой капитал с 50 млн марок ФРГ в 1973 году, до 60 млн в 1975. Объем операций в 1976 году превышал 2 млрд марок ФРГ, а объем кредитования составил около 1,3 млрд марок ФРГ. Существенную часть своих платежных операций (по клирингу) с ФРГ восточноевропейские банки, равно как и Банк для Внешней Торговли СССР, осуществляли через Ost-West Handelsbank.

В Германии я вновь проработал полтора года. В августе 1976 года я поехал в отпуск. Моя преподавательница немецкого языка пожелала счастливой поездки и выразила надежду, что после приезда мы завершим освоение ее родного языка. Я при этом выразил сомнение — ну не удавалось мне проработать нигде на одном месте больше полутора — двух лет. Тем более уже прошло сообщение, что в нашем банке в Сингапуре с апреля работает комиссия по проверке его деятельности.

После сингапурского кризиса при Финансовом институте были созданы специальные курсы. Посчитав, что главной причиной кризиса стало отсутствие у молодых банкиров жизненного опыта, на учебу набрали много способных и обещающих практиков — управляющих отделениями Госбанка. Натаскали их в языках, организовали зарубежную практику. Однако эффекта этот опыт не дал — почти никто из выпускников в системе Внешторгбанка не остался. Я могу вспомнить Виктора Марковича

Вечерю да Николая Николаевича Чубрикова, работавшего в Цюрихе, а сейчас представляющего оттуда Ассоциацию региональных банков России в странах Европейского Союза и Швейцарии. Взяли его из Москворецкого отделения Госбанка Москвы. У него получилось остаться в рядах совзагранслужащих, возможно, потому, что у нас всегда было мало специалистов с немецким языком.

Была и небольшая группа «товарыщей», взятых тогда на учебу и представляющих совсем другие организации. Я знаю совершенно точно, по крайней мере, троих, прошедших те курсы. Двое их них в разное время работали в Ost-West Handelsbank, а один в Лондоне в Моснарбанке. Дали им, конечно, не на самую ответственную работу, что-то вроде экономистов. И должны были они не столько делать дело, сколько присматривать за работой других. Это показалось полезным, так как первым в Москву сообщил о неприятностях в Сингапуре именно местный замторгпред.

В бананово-лимонном Сингапуре

И вот 1 сентября я присутствую на разборке полетов в Госбанке СССР. День для меня знаменательный — сын пошел в первый класс.

Для всего международного банковского сообщества событие было неожиданным: прогорел филиал советского — Московского народного банка — неслыханный скандал для совзагранбанка.

Все шло к тому, что виновные руководители Сингапурского отделения Моснарбанка отделаются выговорами. Но неожиданно встает зампред Госбанка Трифонов и объявляет принятые, безусловно, наверху решения: главу отделения Вячеслава Ивановича Рыжкова отдать под суд, председателя Моснарбанка Сергея Андреевича Шевченко, зампреда Госбанка Юрия Алексеевича Балагурова и члена правления Германа Ивановича Скобелкина снять с должностей. Принимается решение послать в Сингапур зампреда Внешторгбанка В. А. Дровосекова для урегулирования ситуации. Я успокоился, но оказалось, рано!

В сентябре я собирался съездить в Эстонию по приглашению Лутца, работавшего до меня зампредом в Ost-West Handelsbank. Объездив полмира, я никогда не был в этой республике.

Вдруг в середине сентября меня вызвал Трифонов и объявил: «Собирайся, надо ехать в Сингапур!»

Я удивленно вопрошаю: «Я же должен ехать в Германию! Полтора года там пробыл, до положенных трех лет еще полтора осталось. Даже и язык уже подучил». В Германии я действительно только освоился, дела большие пошли. Я успел познакомиться с высшим банковским руководством. «Да и почему я? — продолжаю защищаться — За Сингапур отвечает лондонский Московский народный банк, вот пусть Дровосеков и едет!». Аргумент ответный был весом: «Мы были в ЦК, там считают Вашу кандидатуру наиболее подходящей. Дровосекова за Сингапур еще могут

привлечь к ответственности, как мы тогда будем выглядеть?» Вот так я вначале за Владимира Алексеевича поехал работать в Ливан, а теперь в Сингапур! Человек он был активный с комсомольским задором. Родись он в нынешнее время, точно бы олигархом стал, типа Ходорковского.

Не вдохновлял на поездку меня и местный климат — жаркий и влажный. Мне Ливана хватило! Но если там с конца мая до начала ноября и можно спрятаться, уехать в горы, то в Сингапуре влажность допекает тебя весь год! А я после того, как в шестом классе в пионерском лагере «Артеке» первый раз обгорел, вообще больше люблю в среднюю полосу России и северную Европу.

Отправили меня к Б. И. Гостеву, которого только что назначили заведующим отделом плановых и финансовых органов ЦК КПСС. До этого ему долго приходилось исполнять обязанности заведующего (потом он станет министром финансов СССР). Борис Иванович попросил меня поехать только на два года! Завотделу ЦК я тогда отказать не мог! И согласился.

Вопрос с семьей в этой ситуации стоял уже гораздо острее. Одно дело купить билет на поезд до Германии, другое дело — авиационный до Сингапура! Никаких денег на такие поездки не хватит. Поэтому я поставил условием оплату проезда семьи, по примеру дипломатов. Борис Иванович пообещал этот вопрос решить.

Так я попал в Сингапур. Кстати, с существенной (примерно 25%) потерей в зарплате — дело в том, что она устанавливалась в зависимости от уровня цен и зарплат в каждой конкретной стране. В новом месте затрат было меньше, здесь все бизнес-комьюнити и даже правительства ходят практически весь год без пиджаков. Даже на вечерние приемы позволялось ходить в батиковых рубашках. Так что жить можно. Но у нас советских, что скрывать, всегда были собственные задачи — скопить на какую-то большую вещь — квартиру, машину, а это сделать в Сингапуре было сложнее.

В этой вселенской провинции вместо двух лет я провел целую пятилетку (1977–1982 гг.)

Жили мы на вилле, у которой была любопытная история. Принадлежала она, вместе с участком земли в очень неплохом месте Сингапура финансовой фирме Хон Лионг. Фирма привлекала и размещала средства населения и успешно работала. Но на нее стали давить вкладчики и Банк Юнайтед Оверсис, принадлежащий некому Ви Че Яо, который захотел их купить. В фирме работал родственник нашего китайского управляющего Тео, и поэтому они пришли за помощью к нам. Нужно им было 15 миллионов на три месяца. Нашему Тео очень хотелось насолить Ви Че Яо — он его уволил в свое время из Квантунг провиншеон банка, когда Тео претендовал на увеличение своих полномочий.

Мы удовлетворили их просьбу в кредите. После этого они смогли взять средства в своем МАСе, который в Сингапуре частично выполняет роль Центрального банка. В благодарность за помощь по нормальной цене

нам был продан участок с виллой. В то время местное законодательство еще разрешало иностранцам покупать землю с постройками. В доме было два этажа, их разделили на четыре квартиры. Еще один верхний этаж был открытой верандой. Позже Семикоз, без одобрения государственного архитектора переоборудовал ее под гостевой этаж. И юрист из «Ли энд Ли» любил дразнить Александра Петровича: «Я доложу кому надо о том, что Вы сделали незаконную перепланировку. Вас всех посадят!» Но мужик он был хороший, мы понимали, что заявление является шуткой.

А первый раз в Сингапур я попал в ноябре 1975 года. Представителей всех заграничных банков пригласили сюда на открытие нового офисного здания. И там мой коллега по Ливану Эрнест Тамбе (отец его был сириец, а мать турчанка) подошел ко мне и рассказал о зарождающихся неприятностях сингапурского отделения — сбежал клиент с невозвращенным кредитом в 280 миллионов долларов. Но, видимо, уже к тому времени положение было сложным, были и другие фирмы задолжники, а в стране началась общая рецессия — спад производства, и надеяться на быстрое решение проблем было сложно.

Аудиторы из Пита Марвика (Peat Marwick), следящие за постановкой учета в отделении, прохлопали кризис. Сингапурский управляющий выдавал кредиты гонконгской фирме, с помощью которой до поры до времени скрывал проблемы.

Забегая вперед скажу, что общая сумма проблемной задолженности банку была 350 млн долларов. А никак не миллиарды, как иногда пишут у нас в прессе. Проверка Госбанка, проведенная через год после моего приезда в Сингапур, подтвердила эту оценку.

В апреле 1976 года информация о проблемах в нашем заграничном банке дошла до председателя Совета министров Алексея Косыгина. Он вызвал Свешникова и устроил ему взбучку, почему не докладывал. После чего распорядился: «Завтра туда вылетает председатель Внешторгбанка Юрий Александрович Иванов, пусть возьмет с собой кого считает нужным и докладывает постоянно мне и Вам!» Осторожные сомнения в возможности получения за такой срок визы, были отвергнуты заявлением, что Андрей Андреевич Громько обо всем уже договорился с сингапурским послом.

Разборка проходила кропотливо. После этого Юрий Александрович подготовил телеграмму в Центр. Как он рассказывал, писал долго, с восьми вечера до шести утра, выверял каждое слово.

В составе команды был и мой товарищ Томас Алибегов. Вот он вместе с Ивановым, меня и сдал ЦК! Хотя с точки зрения дела, дела, а не карьеры даже, задача, которая встала передо мной, оказалась чрезвычайно интересной!

Долго мы по судам разных стран ходили, возвращая выданные направо и налево необеспеченные кредиты. Участвовали не меньше чем в 125 процессах, большинство выиграли (хотя зачастую только де-юре).

Долго ловили жулика — он, бывший малазийский почтовый служащий Амос Доу, сбежал в США. Пострадали, кстати, от него не только мы, а Гонконгско-Шанхайский банк, Чартеро банк... Мы вместе с партнерами по несчастью финансировали расходы по юридическому обеспечению процесса по его экстрадиции. Ловкий же малазиец начал разыгрывать карту КГБ — заявлять, что Моснарбанк — прикрытие советских карательных органов, охотится за ним. Пять лет мне не давали визы и в Гонконг, куда разыскиваемого могли привести. Уже по политическим соображениям. В конце концов, в октябре 1981 года, незадолго перед возвращением на Родину, я попал в эту английскую колонию за счет английской королевы! Жулика вытащили и отдали под суд наши пострадавшие коллеги. Я же приехал на суд как свидетель и три дня жил в самой дорогой гостинице «Мандарин». Возник вопрос — на чем мне давать клятву в суде. Коммунисту подкладывать под руку «Библию»? Что толку от такой клятвы? Я предложил поклясться на Уставе КПСС, но видимо, английское правосудие его оперативно не нашло. Обошлись словами, после чего я три с половиной часа давал показания.

Своих судей англичанам не хватало, и они набирали их со всего Английского Сообщества, в результате главным судьей был бестолковый новозеландец. Он вынес неожиданное решение о недоказанности вины этого жулика. Тот не стал ждать, быстро сел на самолет и улетел в Таиланд. Дело в том, что у этой страны нет договора с Гонконгом о выдаче преступников. Отсиделся там, женился на какой-то принцессе (даже внебрачный ребенок короля в этой стране сразу становится принцем или принцессой). Еще года через три этот тип потерял бдительность, прилетел в США и был задержан. Дело в том, что для прокурора Гонконга «посадить этого гада» стало делом принципа. Дали ему четыре года, не досидев которые, он умер от рака.

Незадачливому руководителю нашего отделения Вячеслава Рыжкова дали суровый приговор — расстрел. Нам показалось это несправедливым, так как он денег не крал, недвижимости на экзотических островах не покупал (тогда это как-то никому и в голову не приходило) — он всего лишь плохо контролировал местный персонал. В результате он получил 15 лет. Отсидел почти весь срок — 12 лет с половиной. Сейчас работает в банковской системе. Вячеслав учился со мной, на курс ниже, был «мальчиком с улицы Горького», его отец генерал, был деканом военного факультета Финансового института, женат он был на Скрябиной, внучке брата Вячеслава Михайловича Молотова.

Отслужив два года, я вопрос об отзыве не ставил, слишком много еще следовало сделать, но через три я начал напоминать о себе. Дела явно начали улучшаться, и можно было уже обойтись без меня. Гостев от меня даже скрываться стал. Когда я был в Москве, со мной встречался его заместитель Гаретовский. Замену искали еще два года — коллеги боялись ехать на мое место, не знали, сколько здесь еще хранится «скелетов в шкафу». Дровосеков, к тому моменту уже переставший опасаться суда,

тоже всячески избегал положенной участи, объясняя нежелание ехать ухудшающимся зрением. Сдался он лишь, когда ему поставили ультиматум: либо едешь, либо по здоровью вон из зампредов!

Но, даже приехав меня сменять, Владимир Алексеевич долго саботировал и не принимал у меня дела. Сидел и демонстративно читал газеты! Наконец, в 1981 году я получил семь месяцев отпуска (все-таки работал я в тропическом климате) и привез в Москву еще одного члена семьи — австралийского какаду, который, по словам моей жены Нины Александровны, «кусается, как невоспитанная болонка!»

В Москве меня сделали начальником валютного управления. Поработал я немного, и И. В. Левчук сделал мне предложение перейти на работу в ЦК КПСС заведующим сектором. Ю. А. Иванов стал отговаривать, спросив меня тогда: «Зачем тебе это нужно?» «А что у Вас сидеть — ответил я, — ничего нового и интересного!»

После этого машина задвигалась, и тут же со мной заговорил Алхимов: «Мы написали представление Вас на должность зампреда Внешторгбанка!» Борис Иванович Гостев мне это подтвердил: «В среду на секретариате ЦК тебя утвердят!» Однако находящийся на беду в это время в Москве Дровосеков зашел к Алхимову и попросил ему открыть в Сингапуре лимиты на местные фирмы. Владимир Сергеевич категорически отказал. На что покойный Владимир Алексеевич наивно ответил: «Ну, как же так! Виктор Владимирович все пять лет кредиты им давал!» Председатель рассвирипел и потребовал организовать проверку моей деятельности в Сингапуре. Дополнительно он позвонил Б. И. Гостеву и заявил, что они отзывают мое представление. Борис Иванович на это ответил: «Пиши письмо! Он у нас уже собеседование прошел!» Так в тот раз сорвалось мое назначение. Мне это, кстати, сам Владимир Алексеевич потом рассказал.

Проверить мою деятельность послали В. А. Пекшева и А. Г. Воронина. Проверка не обнаружила невозвратных кредитов, выданных банком. Рис и мыло всегда нужны населению! Смешно не кредитовать под trust receipt (обязательство заплатить за товар, купленный по аккредитиву, товар, выданный фактически в траст). Если кто-то не платит или шестимесячный trust receipt, подаешь в суд, и вопрос рассматривается в немедленном порядке и должника сажают в тюрьму, как за кражу.

У нас портфель был миллионов 300, а мы закрывали эти операции в начале 1977 года. Я на это спокойно смотреть не мог. Но я в отличие от Дровосекова не спрашивал по очевидным вопросам разрешения.

Зампредом я стал через год с небольшим.

Следующий раз меня пытались отправить председателем Международного банка экономического сотрудничества. Из банка уходил Джинджихадзе. Вaju Геронтьевича пригласили в Грузию министром финансов. Уехал он в Тбилиси, а через год услышал по телевизору, что Гамсахурдиа, не приглашая его к себе на встречу, снял с должности. Его инфаркт и хватил.

Гаретовский Николай Викторович, председатель Госбанка СССР, предложил возглавить МБЭС мне. Я ответил, что мне это не интересно, все равно из переводного рубля ничего не получится.

Как раз в этот момент из Цюриха вернулся Эдуард Павлович Гостев, бывший там после Горюнова. Он прекрасно знал соцстраны, вот ему и работать в МБЭСе. Я и предложил Гаретовскому эту кандидатуру.

Вскоре ко мне приходит Эдуард и спрашивает: «Вить, а ты чего сам-то не хочешь в МБЭС? Гаретовский меня сватает!» «А что там делать?» — отвечаю вопросом на вопрос. «Так, а как мне отказаться?» — задумался он. Трижды побывав в Цюрихе, он в тот момент был зампредом Внешторгбанка. «Скажи, что занимаешься важной и интересной работой на дилинге! И порекомендуй Хохлова!» Он тоже только пришел зампредом и еще не прижился. Что и было сделано. В результате Виталий согласился.

Хохлов до этого работал в ЦК, куда попал столь же случайно, как и в МБЭС. В ЦК он был вначале простым инспектором. В Сингапур приезжал с Пекшевым и Ворониным.

Учился он в каком-то театральном училище (кажется в Щукинском), замечательно читал стихи. Затем закончил на вечерний факультет какого-то экономического вуза. Не знаю даже, как к нам в банк попал.

Виктор Владимирович уверен, что эта история произошла в 1983 году. Однако скорее всего она относится к 1988 году. Именно тогда ушел из банка Джинджихадзе. Гаретовский стал председателем Госбанка СССР тоже только в 1987 году. Звияд Гамсахурдия был избран Президентом Грузии 26 мая 1991 года.

Виталий Сергеевич Хохлов родился в Москве в 1938 году. В 1960 году окончил Московский институт народного хозяйства им. Плеханова, в 1970 году — Академию внешней торговли. Трудовую деятельность начал в 1960 году в системе Главурса Министерства речного флота РСФСР. В 1964–71 гг. работал во Внешторгбанке СССР в качестве эксперта, старшего экономиста, старшего консультанта управления иностранных кредитов. В 1971–74 гг. являлся старшим экономистом Коммерческого банка для Северной Европы (Эйробанк) в Париже. С 1974 по 1977 гг. — заместитель председателя правления Ист-Вест Юнайтед Банка (Люксембург). В 1977–87 гг. занимал должность инструктора, заместителя заведующего сектором Экономического отдела ЦК КПСС. В 1988 заместитель председателя правления Банка внешнеэкономической деятельности СССР. С 1988 года по 2006 год — председатель правления Международного банка экономического сотрудничества (*прим. авт.-сост.*).

На Сингапуре моя «совзагранбанковская» деятельность не закончилась. После очередного кризиса в Цюрихе в середине 80-х меня послали туда на полгода разбираться. И даже хотели оставить на хозяйстве, но в тот раз мне удалось отказаться.

Что там произошло? Алхимов настоял в постоянной передаче в наш банк «Восход» некоторого количества золота, чтобы мы постоянно были на рынке, а не ждали когда случится неурожай. Но, даже спекулируя, не следовало забывать, что коммунизм — это учет и контроль, поэтому и отчет у председателя банка Ю. Ю. Карнауха требовали регулярно. Даже когда Юрий Юрьевич докладывал, что целесообразно подождать две недели, пока не поднимется цена на золото, ему приказывали отчитаться за выручку от продажи немедленно, как в плане указано. Опытный банкир в этих случаях занимал средства на рынке, докладывал о продаже, а в действительности золото реализовывал только через неделю. Дополнительную прибыль не воровал, в то время об этом как-то не думали, а складывал в резерв.

Одним словом, доигрался, однажды цена перестала идти вверх и вместо этого упрямо шла вниз, а у Карнауха остались открытыми позиции. В Цюрих разбираться послали Макеева, и он там умер от сердечного приступа. После него выехали Иванов и Пекшев. Швейцарцы скандала не хотели, не хотели они и закрытия нашего банка. В свое время именно они предложили нам его открыть, чтобы организовать конкуренцию в продаже золота англичанам. В результате нашли компромисс — банк закрыли, но правопреемником сделали новое отделение Внешторгбанка в Цюрихе. Вот тогда, по аналогии с Сингапуром, решили послать работать в новое отделение Геращенко. Но тут уж я стоял стеной. Ездил я лишь для того, чтобы провести ревизию кадров. Там работали тогда Андрей Акимов, Женя Ульянов. Игорь Ситнин, сделавший затем ноги в Израиль (потом перебрался в США, занимался дилингом в американском банке).

Я тогда посоветовал управляющим сделать Владимира Николаевича Горюнова.

Любопытная история произошла со слитками золотыми. К нам приехали японцы, они к какому-то большому юбилею императорской семьи (кажется, 1000 лет) хотели выпустить памятные медали. В Госбанк приехали представители банка и корпорации Сумитомо¹ и заказали для этого много золота — тонн 300, насколько я помню.

Наши предложили для удобства золото поставить из Хабаровска. Партнеров, однако, это не устроило. Им необходимо было, чтобы металл купило их отделение в США. Делалось это по причине того, что между Японией и США был дисбаланс в торговле, и, чтобы его поправить, Японии нужно было осуществить большую покупку товара от своей же фирмы, но из США. Дополнительные расходы по перевозкам их не волновали, все равно этим будут заниматься их авиакомпания.

¹ Sumitomo Corp. — одна из старейших торгово-промышленных корпораций Японии. Имеет четырехсотлетнюю историю. «Сумитомо банк» основан в 1895 году. Сейчас у него 356 отделений в стране и 58 зарубежных подразделений в 30 странах мира (прим. авт.-сост.).

Для того чтобы выполнить заказ, Госбанк подгрребал все остатки. И обнаружилось, что на ряде слитков присутствует какой-то красный оттенок. Японцы обвинили нас в поставках некачественного золота. Приехала их делегация, была собрана группа экспертов. Я в нее вошел, там были ученые АН СССР. В результате обнаружилось, что действительно с ряда заводов поступило такое «грязноватое» золото. Изложницы, в которые наливалось золото там, не были тщательно очищены и образовывался красный медный налет. Само же золото было необходимой, указанной пробы «четыре девятки». Выяснение и замена слитков длились месяца три–четыре.

С Цюрихом эта история не связана, все действия ее происходили в Советском Союзе.

ФИМАКО

Отдельно следует вспомнить о такой организации, как ФИМАКО. О ней журналистами написано много и практически все неправда.

Когда в 1990 году вышли законы о ЦБ (вначале российский, затем советский), в котором были провозглашены их самостоятельность, Банк понял, что ему надо заниматься валютными операциями и валютными резервами. До этого Госбанк имел только несколько счетов за границей, на котором было минимум средств — тысячи долларов. Всеми же валютными операциями, по поручению Госбанка, занимался Внешторгбанк. Через него проходили все привлекаемые средства, в нем находилась валютная касса страны.

Разразившийся в начале 90-х годов скандал с владельцем швейцарской фирмы «Noga» Нессимом Гаоном ускорил наши действия.

В 1991–1992 годах правительство России заключило с фирмой несколько контрактов на сумму около \$1,4 миллиарда: компания обязалась поставлять продукты питания и удобрения в обмен на нефтепродукты. Стороны до сих оспаривают выполнение условий соглашения. Россия, по условиям соглашений, отвечала за выполнение контрактов своим имуществом (*прим. авт.-сост.*).

Так вот, в начале 90-х Гаон попытался в виде компенсации присвоить средства парижского Евробанка.

Когда в 1992 году вернулся в Центробанк России, я сказал председателю правления Внешторгбанка России Юрию Владимировичу Полетаеву: «Юра, людей специалистов у нас нет! Дмитрий Тулин разбирается в общих экономических проблемах, но надо размещать средства. Пришли мне человека». Он прислал мне Александра Потемкина. Который мне не подошел — плохой он организатор!

В это время приезжает Юра Пономарев из Парижа, он был руководителем Эйробанка. Он и предложил: «Давайте я буду вести ваши дела за небольшую комиссию! Мы как раз купили небольшую компанию

«FIMACO», зарегистрированную в офшоре». Обычная, кстати, практика, у Моснарбанка тоже была такая дочерняя компания для работы на рынке ценных бумаг, зарегистрированная на острове Мен. Никаких тайн в этом не было!

Мы подписали соглашение.

Сенсационность этому вопросу придал прокурор Ю. И. Скуратов в 1998 году. В тот момент нам пытались навязать в качестве аудитора компанию «Юникон», я же был уверен, что нужен серьезный иностранный партнер — весьма трудные годы были, чтобы экспериментировать. Для противодействия нам и был раздут скандал, не имеющий ни малейшей причины. Что только после кризиса 1998 года у нас не проверяли. Даже о чеченских авизовках вспомнили!

Тогда мы наняли PricewaterhouseCoopers, им все росзарубежбанки передали свои учетные книги. После проведенной проверки они подготовили доклад, в котором был вывод, что никакого воровства в системе зарубежных банков нет!

На нас давил Международный валютный фонд. В выводах проверки попытался усомниться заместитель директора-распорядителя Фонда Стэнли Фишер. Он что-то стал мямлить... Но чья бы ... мычала. Фишер в 90-е годы активно работал с российским правительством, непосредственно участвовал в предоставлении России многомиллиардных кредитов, в том числе тот знаменитый в июле 1998 года, за несколько дней до августовского кризиса давал он!

Оригинальный тип. Вроде как американец, но с израильским гражданством. Родился в Зимбабве, но его родители родом из Литвы. Фишер стал, кстати, в 2005 году управляющим Банком Израиля.

Даже председатель PricewaterhouseCoopers Джерим Костем не выдержал: «Ну, ты, засранец, хватит голову морочить!» Ну, возможно не такими словами, но смысл я передал правильно!

Его тэтчеровские взгляды на экономику хорошо сочетаются с идеями, которые пропагандирует Нетаниягу...: снижение уровня поддержки правительством слабых слоев населения и снижение налогов для «среднего класса» и обладателей крупного капитала в надежде на то, что они и станут тем самым тягачом, который вытащит народное хозяйство из застоя.

Он является пламенным сионистом. Но на торжественном обеде в честь его назначения на должность он был сентиментален. На ломаном иврите с сильным американским акцентом, выдающим в нем нового репатрианта, он рассказал о том, как всю свою жизнь следил за тем, что происходит в Израиле. «Я всегда понимал и чувствовал, как важно государство для существования и процветания еврейского народа. Я гордился успехами и расстраивался, когда еврейское государство не могло воплотить свои идеалы. Я вспоминаю, как в тот год, когда я праздновал свою бармицу, мне родители разрешили несколько дней не ходить в школу, что-

бы следить за ходом операции «Кадеш». Это был октябрь 1956 года. Мы с волнением вслушивались в новости «Голоса Израиля» о ходе операции. Конечно, мне тогда даже не снилось, что спустя 50 лет я буду стоять здесь, с национальными лидерами Израиля».

Во время своей работы в МВФ он помогал в разрешении экономических кризисов в Юго-Восточной Азии и России.

05.05.05 | Менахем Рахат MIGnews.com

В конце 1991 года над системой заграничных банков стал вопрос дальнейшего существования. И тогда нам очень помог Е. Т. Гайдар. Период, когда он работал в журнале «Коммунист», газете «Правда», когда его Бурбулис привел к Ельцину, был периодом наших очень неплохих взаимоотношений.

В январе я ездил в Англию к Семикосу — Моснарбанк был на грани банкротства. Хорошо зная Председателя Банка Англии, я сумел связать его по телефону с Гайдаром, и Егор Тимурович пообещал дать банку гарантии. Было это уже после фактического банкротства Внешторгбанка.

Тогда выбивая право Моснарбанка на существование, мы просидели в Банке Англии допоздна. Поздно вечером, примерно в двенадцать, пришли в банк, бары в городе были закрыты, но очень хотелось по-русски отметить удачно завершившуюся операцию. Семикоз проявил халатность — у него дома и в банке ничего не было. Хорошо у сопровождавшего нас юриста оказался ящик водки. Так что нам на троих хватило!

Современные модификации

Международный валютный фонд после кризиса 1998 года стал на нас давить, требовать, чтобы ЦБ перестал быть акционером в других банках. Со внутренними было проще — мы были учредителями во Внешторгбанке и Сбербанке. Мы объяснили, что понимаем озабоченность коллег, но после кризиса население напугано и акционировать Сбербанк пока рано. Это создаст ненужную панику. Внешторгбанк специализированный, до него тоже дойдет очередь. Особая ситуация с заграничными банками — в некоторых странах Центральные банки владеют коммерческими банками в Европе, так что мы не уникальны!

На совещании у тогдашнего премьера Касьянова на эту тему, я сказал, что все вопросы о передаче росзагранбанков мы будем решать только в рамках законодательства. Мне не нужно указывать, что с ними делать. Вы скажите, что делается незаконно, я готов выслушать и исправить. А как делать, я знаю сам. И не так, как вы хотите.

Для того чтобы временно отделаться от советчиков, Касьянов предложил мне: «Вить, давай запишем приватизацию заграничных банков в перспективный план». И вот меня сейчас укоряют — сам ведь подписал. Но подписал-то с расчетом, что мы спешить никуда не будем!

Потом ситуация изменилась, предложили уступить Внешторгбанк правительству, при Игнатъеве уступили, да так, что повесили убыток на баланс Центрального банка. Пусть и небольшой. А потом стали манипулировать заграничными банками. Я два письма написал. Одно — Иванову в Совет безопасности, другое — Фрадкову в Правительство о том, что Внешторгбанк имеет большие дырки в балансе и покупка заграничных банков за полцены просто позволит им поправить баланс. Вообще-то так не делается! Шаг это преждевременный.

Глава Внешторгбанка Андрей Костин не знает, что ему делать с заграничными банками. У него был Russian Commercial Bank (Кипр), желающих его купить было достаточно. Костин головным банком своего нового холдинга хочет сделать австрийский Donau-Bank. Это значит только одно: люди, которые сейчас решают судьбу системы росзаграничных банков, не имеют о ней ни малейшего представления. Никто из них никогда не работал в росзаграничных банках, а те, кто сейчас заседает в Национальном банковском совете, вообще в банковской сфере не работали... Дело в том, что бизнес Donau-Bank всегда строился не по экономическим, а, скорее, по политическим мотивам. Соответственно, он никогда не был основным российским банком за рубежом. Объем операций, который проходил через него, всегда был несущественным. У него есть лишь один важный плюс (но он есть и у других заграничных банков): будучи зарегистрированным в Евророзоне, Donau-Bank может беспрепятственно открывать свои филиалы по всей Европе...

Когда делаются публичные заявления, которые ведут к уничтожению системы росзаграничных банков, у меня на голове остатки волос дыбом встают. А, на мой взгляд, заграничные банки имеют право на дальнейшее существование.

